

Ф. Б. АЛЬБРЕХТ¹

ПЕРЕВОД МЕТАФОР В СВЕТЕ ТИПОЛОГИИ КОНТЕКСТОВ

В статье на основе анализа переводов рассматривается свойство семантической открытости лексем с коннотативным метафорическим значением и проявление данного свойства в зависимости от контекстов. Важным критерием определения типа контекста мы считаем установку говорящего на воспроизведение или на порождение метафоры. На основе анализа переводов некоторых отрывков из текстов И. С. Тургенева, в которых содержатся метафоры от наименований животных, на английский, французский, болгарский, польский, словенский, чешский и сербский языки удалось установить следующее. Контекст порождения предполагает, что лексемы приобретают метафорическое значение в процессе образования текста. Метафоры в контексте порождения переводятся эквивалентно или сходно. Контекст воспроизведения предполагает, что лексема с метафорическим коннотативным значением употребляется носителем языка как заведомо известная и понятная. Метафоры в контексте воспроизведения обращают внимание переводчика на ситуацию их употребления, исходя из которой переводчик часто передаёт метафоры сигнификативно не эквивалентными, хотя и коннотативно близкими подлиннику лексемами или выражениями. И в том, и в другом случае метафора демонстрирует свойство семантической открытости, только в контексте порождения толкование метафоры оказывается следствием семантической работы с ней, тогда как в контексте воспроизведения ономаσιологические основания для толкования метафоры извлекаются переводчиком из контекста.

Ключевые слова: метафора, перевод, контекст порождения, контекст воспроизведения, семантическая открытость.

Лексемы с переносным метафорическим значением и с ведущим мотивом коннотации, не имеющие в языке перевода эквивалентов, нуждаются в особом внимании при передаче их средствами другого языка. Как пишет Ю. П. Солодуб, данные единицы обладают «...яркой образностью, экспрессивностью, которые придают им эмоционально-оценочный характер...» [Солодуб 2002; 77]. Ведущий коннотативный компонент, по словам того же автора, «особенно “открыт” для субъективного восприятия значения слова» [Солодуб

---

¹ Фёдор Борисович Альбрехт — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); fedor.albrext.74@mail.ru

2005; 101]. Ту же особенность лексем с метафорическим коннотативным значением отмечает В. Н. Телия: «...Единицы языка с узуально закреплённой коннотацией (а таковые, как правило, результат вторичной номинации) — это только прагматические “полуфабрикаты”: реальное функционирование коннотативного компонента — это его актуализация в высказывании, или же возникновение в процессе организации коммуникативных структур» [Телия 1996, 108]. Иначе говоря, рассматриваемые единицы обнаруживают свойство семантической открытости, то есть способности к варьированию сигнификативного компонента семантики, которое либо актуализируется, либо остаётся потенциальной возможностью в зависимости от контекста.

При реальной неисчислимости контекстов всё же, на наш взгляд, возможно выявить некоторые их типы. Важным критерием для определения типа контекста мы считаем намерение говорящего, его установку на воспроизведение или порождение метафоры. Соответственно, в самом общем виде мы можем говорить о контексте порождения и о контексте воспроизведения, имея в виду, что это хоть и рабочее, но очень условное разделение. Перейдём к краткому описанию и анализу контекстов.

Контекст порождения предполагает, что лексеммы приобретают метафорическое значение в процессе образования текста. Приведём пример такого контекста из произведения И. С. Тургенева «Записки охотника»¹: *Шумный разговор превратился в мягкий, приятный говор, подобный весеннему жужжанию пчёл в родимых ульях. Одна неугомонная оса — Лупихин и великолепный трутень — Козельский не понизили голоса... И вот вошла наконец матка — вошёл сановник (Гамлет Щигровского уезда).*

Введение в текст сравнения мягкого, приятного говора с жужжанием пчёл влечёт за собой дальнейшее развёртывание образа с помощью лексических единиц того же тематического ряда, которые приобретают метафорическое коннотативное употребление: Лупихин — неугомонная *оса* (то есть, очевидно, неугомонный, непоседливый человек), Козельский — великолепный *трутень* (то есть, очевидно, не отягощённый обязанностями, не трудяга, но яркий человек), сановник — *матка* (то есть, очевидно, главный в данном обществе человек). Данные значения вполне ясно прочитываются как из введённых в текст определений почти ко всем метафорам, так и из жизненного опыта: люди представляют себе названные реалии и из мира насекомых, и из светской жизни.

Приведём переводы данного контекста на несколько языков.

Англ. *The noisy talk changed to a subdued pleasant hum, like the buzzing of bees in spring within their hives. Only the irrepressible wasp, Lupikhin, and the splendid drone, Kozelsky, did not lower their voices... And behold, at last, the queen-bee — the great dignitary entered*².

Франц. *Les conversations, bruyantes jusque-là, prirent aussitôt un ton calme, modéré, qui rappelait le bourdonnement des abeilles en leurs ruches au printemps;*

¹ Здесь и далее русские цитаты приводятся по изданию: Тургенев И. С. Записки охотника // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.

² Здесь и далее английские цитаты приводятся по изданию: Turgenev I. A Hunter's Sketches. Translated by Olga Shartse. M., 1989.

*seuls la turbulente guêpe Loupikhine et le superbe frelon Kozelski ne baissèrent point la voix; mais enfin la reine... je veux dire le haut dignitaire parut*¹.

Болгар. Шумният разговор се превърна в мек, приятен говор, подобен на пролетно бръмчене на пчели в кошери, които се роят. Само неуморната оса — Лупихин, и великоленният търтей — Козелски, не понижиха гласове... И ето, влезе най-сетне царицата — влезе сановникът².

Польск. *Halaśliwe rozmowy przeszły w lagodny, miły gwar, podobny do wiosennego brzęczenia pszczoł w ulach. Jedna tylko nieposkromiona osa — Łopuchin — i majestatyczny truteń — Kozielski — nie zniżyli głosu. Wreszcie weszła krolowa-matka — wszedł dygnitarz*³.

Словен. *Hrupni pogovori so se sprevrgli v mehko, prijetno pomenkovanje, podobno spomladanskemu brenčanju čebel v roječih panjih. Samo neugnana osa — Lupihin — in veličasten trot — Kozelski — nista stišala glasov... No, nazadnje je le prišla matica — vstopil je dostojanstvenik*⁴.

Чешск. *Halasný hovor se proměnil v příjemné brebentění, jako když na jaře bzučí včely v mateřských úlech. Jen neodbytná vosa Lupalov i velkolepý trubec Kozelskij neztišili hlasy... A teď konečně vešla včelí královna — vstoupil hodnostář*⁵.

Сербск. Бурни разговор се претвори у мек, пријатан говор, сличан пролетном зујању пчела у домаћем пчелињаку. Једино немирна оса, Лупихин, и дивљи трут, Козелски, нису снизили глас... И, ево, уђе најзад матица — уђе великодостојник⁶.

Как видно из примеров, разворачивание метафор во всех переводах эквивалентно русскому оригиналу и совпадает практически в деталях, только французский переводчик эксплицирует метафору *la reine* словами *je veux dire le haut dignitaire* («я хочу сказать: высокий сановник»), а на решение сербского переводчика передать словосочетание *великоленный трутень* словами *дивљи трут* (букв. «дикий трутень»), вероятно, повлиял общий контекст, где на фоне мягкого говора выделяются два громогласных человека; фактически переводчик согласовал по смыслу это выражение с аналогичным ему *немирна оса — матица*. В чешском переводе несколько по-другому (на фоне славянских языков) вводится сравнение: через придаточное предложение (*příjemné brebentění, jako když na jaře bzučí včely* — «приятное жужжание, как когда весной жужжат пчелы»).

Похожий контекст находим в рассказе «Касьян с Красивой мечи», с той только разницей, что метафорическое употребление лексемы не просто порождается контекстом, но и поддерживается характеристикой образа героя.

¹ Здесь и далее французские цитаты приводятся по изданию: *Tourguéniev I. Mémoires d'un chasseur. Traduit par Henri Mongault. М., 1970.*

² Здесь и далее болгарские цитаты приводятся по изданию: *Тургенев И. С. Събрани съчинения. Т. I. Записки на ловеца. Преведе от руски Васил Каратеодоров. София, 1957.*

³ Здесь и далее польские цитаты приводятся по изданию: *Turgieniew I. S. Zapiski myśliwego. Przełożyli: J. Dmochowska, P. Hertz, Cz. Jastrzębiec-Kozłowski, L. Podhorski-Okolów. Warszawa, 1974.*

⁴ Здесь и далее словенские цитаты приводятся по изданию: *Turgenjev I. S. Lovčevi zapiski. Prevedel Janko Moder. Ljubljana, 1967.*

⁵ Здесь и далее чешские цитаты приводятся по изданию: *Turgeněv I. S. Lovcovy zápisky. Přeložila Anna Nováková. Praha, 1962.*

⁶ Здесь и далее сербские цитаты приводятся по изданию: *Тургењев И. С. Ловчеви записи. Превео Милош С. Московљевић. Београд, 1970.*

Стал дома жить, да и дома-то не усиживался: такой беспокойный, — уж точно **блоха**.

Приведём этот контекст в переводах.

Англ. *He began to live at home, but he could not keep at home long; he's so restless — a regular **flea**, indeed.*

Франц. *Il est resté un temps chez lui, mais il ne tenait pas en place: c'est un agité, que je vous dis; une vrai **puce**, quoi!*

Болгар. *Почна в къщи да живее, но и в къщи не се заседяваше: такъв неспокоен — също като **бълха**.*

Польск. *Zamieszkał w domu; tylko że i w domu nie mógł usiedzieć, taki to już powsinoga, prawdziwa **pchła**.*

Словен. *Potlej je živel doma, pa tudi doma ni imel obstanka, tako je nemiren — povem vam, cela **bolha**.*

Чешск. *Byl pak doma, ale to se ví, doma to taky nevydržel — když on nemá nikde stání — jako ta **blecha**.*

Сербск. *Почео (је) да живи код куће, али се ни код куће није могао скрацити, тако је непостојан — права **бува**.*

В данном случае перевод метафоры *блоха* эквивалентной лексемой на все привлекаемые языки (болгарский и чешский переводчик, правда, обходятся сравнительным оборотом) предопределён, во-первых, введённым до того в текст прозвищем героя, во-вторых, постоянным подчёркиванием в тексте его небольших размеров, и в-третьих, найденным рассказчиком новым основанием (Касьян очень беспокойный) для уподобления героя первичному денотату его прозвища.

Таким образом, эквивалентность или очень близкое сходство между подлинником, в котором метафора выполняет текстообразующую роль, и его переводами обусловлена свойством семантической открытости метафоры, а именно: любая номинация конкретного класса, в нашем случае — наименование животного, способна порождать метафору, которая, независимо от того, закреплена она в узусе или нет, будет понята носителем всякого языка в соответствующих контекстных условиях. В конечном итоге возможность адекватного восприятия метафоры зиждется на универсальных основах человеческого мышления, на идентичности механизма образной трансформации.

Контекст воспроизведения предполагает, что лексема с метафорическим коннотативным значением употребляется носителем языка как заведомо известная и понятная. При этом бывает так, что при метафоре может появляться определение, характерное для сочетаемости с прямым значением единицы: «Составилось о нём мнение, что он лихой, бедовый, что он *гусь лапчатый, зверь полосатый*» (С. Т. Аксаков, Семейная хроника); «...Ты, змея ползучая, суешь нос куда не надо...» (В. М. Шукшин, Любавины). Подобные примеры демонстрируют, по словам В. М. Мокиенко, повышение «экспрессивности слова подчёркиванием его прямого значения» [Мокиенко 1989, 143]. Актуализация образной двуплановости лексемы с метафорическим значением за счёт её сочетаемости со словом, характерным для прямого значения, на фоне переносной семантики существенно увеличивает коннотативность всего контекста. Мы бы добавили с точки зрения нашей проблемы, что потенциально увеличивается (хотя, естественно, с точностью не прогнозируется) и возможность перевести данное выражение образным эквивалентом, поскольку любая

актуализация образа влечёт за собой его осмысление, т.е. в каком-то смысле выход за пределы чистого контекста воспроизведения. Приведём следующий пример из И. С. Тургенева и его переводы на привлекаемые нами языки.

А, вот ты где, обезьяна бесхвостая! — прогремел Чертопханов (Конец Чертопханова).

Англ. “*Ah, here you are, you tailless ape (бесхвостая обезьяна!)*” thundered Chertopkhanov.

Франц. *Ah! te voilà, singe sans queue (обезьяна без хвоста)! hurle Tchertopkhanov.*

Болгар. — *А, ето къде си, маймуно безопашата (обезьяна бесхвостая)! — прогърмя Чертопханов.*

Польск. — *А tuś mi, małpo bez ogona (обезьяна без хвоста)! — zagrzimiał Czertopchanov.*

Словен. “*Aha, tukajle si torej, ti opica brezrepa (обезьяна без хвоста!)*” je zagrmel Čertopchanov.

Чешск. “*Á, tady tě mám, ty ropucho škaredá!*” zaburácel Čertopchanov.

Сербск. — *А, ту си ти, мајмуне куси!* — загрме Чертопханов.

В данном случае метафора совмещает сильную отрицательную коннотацию с переносной семантикой «некрасивый», «уродливый». Коннотация усиливается определением *бесхвостая*. Большинство переводов передают данный образ практически эквивалентными средствами. Несущественно меняет исходный образ сербский переводчик: *мајмун куси* (букв. «обезьяна куца»), а полностью отходит от исходной метафоры в образном, но не в коннотативном и не в сигнификативном аспекте только чешский перевод, где вместо образа обезьяны появляется образ жабы: *ropucha škaredá* (букв. «безобразная, мерзкая жаба»).

Бывает и так, что при метафоре появляется определение, по сути, раскрывающее её переносную семантику и устраняющее возможную семантическую диффузность и / или открытость: «Ну, однако же этот не таков — *хитрая лисица!*» (М. Н. Волконский, Кольцо императрицы); «Он оказался *кротким, смиренным ягнёнком...*» (Л. Н. Толстой, За что?). В этом случае перевод вообще не представляет затруднений: переносная семантика отражена в определении, и единственная ситуация, которая может привести к образному несоответствию перевода оригиналу, — это отсутствие в языке перевода образного эквивалента при адекватной передаче сигнификативного и коннотативного аспектов семантики.

Самый любопытный, на наш взгляд, феномен — это употребление метафоры в контексте воспроизведения без каких-либо контекстных указаний на её семантику и / или образную двуплановость. В этом случае для переводов неизбежно прогнозируется возможность не только образной, но и сигнификативной неэквивалентности, поскольку в таком контексте метафоры неизбежно обращают внимание переводчика на ближайший контекст / ситуацию: именно здесь переводчик, в случае отсутствия эквивалента метафорической лексемы в своём языке, ищет опору для толкования семантики. Наиболее разительные несоответствия такого типа находим в переводах метафоры *ворона*, означающей, как известно, рассеянного, нерасторопного, невнимательного человека, зеваку, разиню (это переносное значение отмечается уже в [Словарь, 1789, часть 1; 853], а также в [Словарь, 1847, т. 1; 159]. В двух контекстах из

«Записок охотника» И. С. Тургенева референтом данной метафоры служит низко оцениваемая говорящим лошадь.

(1) *...Ерофей... презрительно ткнул её третьим пальцем правой руки в шею. — Ишь, — прибавил он с укоризной, — заснула, ворона!* (Касьян с Красивой мечи).

(2) *Чертопханов толкнул его ногою, промолвив: «Вставай, ворона!»* (Конец Чертопханова).

Для русского читателя метафора *ворона* означает в данных примерах несобранную, медлительную, рассеянную лошадь. Так же воспринял этот образ и польский переводчик, передав его образно близкой и семантически эквивалентной метафорой *gawron* (грач)¹.

(1) польск. *...Jerofiej... wzgardliwie szturchnął ją w szyję środkowym palcem prawej ręki. — Patrzcie go — dodał z przekąsem — śpi, gawron.*

(2) польск. *Czertopchanow kopnął go mówiąc: — Wstawaj, gawronie!*

Однако, как показывают переводы на другие языки, метафору *ворона*, исходя из ближайшего контекста / ситуации, можно понять совсем по-другому. Так, в английском переводе первого контекста появляется слово *scarecrow* (чучело, пугало).

(1) англ. *“See”, he added contemptuously, “it’s asleep, the scarecrow!”*

Во французском переводе появляется выражение *espèce de feignant* (бездельник, дармоед), в чешском — слово *mrcha* (падаль), в сербском также слово в значении «падаль» *стрвина*, в словенском — слово *mrhež* (букв. «кляча», переносное значение — «стерва»).

(1) франц. *...Jérofëi... lui toucha dëdaignement le cou de l’index. — Eh quoi! grogna-t-il, tu dors, espèce de feignant!*

(1) чешск. *...Jerofej... pohrdavě ji pìchl prostředníkem pravé ruky do zad. “Vidíte ji, spí, mrcha”, dodal vyčítavě.*

(1) сербск. *...Јерофеј... презриво га муну средњим прстом десне руке у врат. — Гле, — додаде прекорно — заспала, стрвина.*

(1) словен. *...Jerofej... ga zaničljivo sunil s sredincem desne roke v vrat. “Uh”, je z očitkom dodal, “zaspal je, ta mrhež!”*

Такое положение дел убеждает нас в том, что переводчики действительно исходили из ситуации, а не из семантики метафоры, аналога которой в их языках нет: плохую лошадь можно назвать и пугалом (при этом английский перевод удачно сохранил образ), и дармоедом, и падалью в переносном смысле. Интересно, что в силу специфики словенской лексемы на первый план может выступить как прямое номинативно-коннотативное, так и переносное метафорическое значение.

Картина заметно меняется в переводах второго контекста. В чешском переводе сохраняется лексема *mrcha*, в сербском появляется лексема *мрцина*, синоним *стрвина*, который имеет и переносное значение «пентюх», близкое семантике русской метафоры. Слово *charogne* (букв. «падаль») появляется и во французском переводе, а в английском фигурирует метафора с общей отрицательной оценкой *brute*. Ясно, что здесь переводчики исходили прежде всего из ситуации ярости и досады героя на то, что лошадь оказалась не его любимцем Малек-Аделем.

¹ И в следующих ниже контекстах польский переводчик даёт эту же эквивалентную лексему, так что к польскому языку мы в дальнейшем обращаться не будем.

- (2) чешск. *Čertophanov do něho št'ouchl nohou, řka: "Vstávej, ty mrcho!"*
 (2) сербск. *Čertopханов га муну ногом, рекавши: "Устај, мрцино!"*
 (2) франц. *Tchertopkhanov le heurta du pied et lui dit: — Debout, charogne!*
 (2) англ. *Chertopkhanov gave him a kick, saying, "Get up, you brute!"*

Словенский и болгарский переводы в этом контексте содержат лексему *sraka* (сорока), *garга* (галка) и *врана* (ворона) соответственно, переносные метафорические значения у которых нам обнаружить не удалось.

- (2) словен. *Čertophanov ga je sunil z nogo in spregovoril: "Ustani, sraka!"*

(1) болгар. *...Ерофей... презрително я бунта по шията със средния пръст на дясната си ръка. — Я гледай, — прибавил той с укор, — заспа, garга!*

- (2) болгар. *Чертопханов го ритна, като извика: "Ставай, врано!"*

Трудно сказать точно, почему переводчики на словенский и болгарский решили сохранить близкие образы: возможно, с этими птицами у этих народов связываются отрицательные ассоциации (см. в [Гура 1997, 530–542 и 556–568], данные об этих птицах как о нечистых).

В переводах контекста, в котором референтом метафоры *ворона* является человек, также наблюдаем весьма разнообразную картину. Метафора фигурирует в следующем контексте: *Бирюк молча взял лошадь за холку левой рукой: правой он держал вора за пояс. «Ну, поворачивайся, ворона!» — промолвил он сурово* (Бирюк).

Чешский переводчик передал семантику метафоры её коннотативно-номинативным соответствием с прямым значением *zevloun* (ротозей, разиня): *Nelida vzal mlčky levou rukou koně za hřtву.... "Tak se hni, zevloune jeden", řekl hrubě.*

Переводы на другие языки показывают, что метафора *ворона*, исходя из ситуации злости лесника на вора, была воспринята как слово с общеоценочной отрицательной семантикой и переведена соответствующим образом: на английский язык — очень далёкой по образу метафорой *rat* (крыса), на французский и сербский — общеоценочными словами с прямым значением, соответственно *vaurien* (мошенник, негодяй) и *хуља* (мошенник, негодяй, прохвост), на словенский — достаточно далёкой коннотативно-номинативной лексемой с переносным значением *pokora* (наказание). В болгарском переводе (как и в последующем контексте) снова появляется лексема *garга*.

Англ. *Without a word Biryuk took the horse by the forelock with his left hand... "Now turn round, you rat!" he said grimly.*

Франц. *...Le Loup-garou saisit de la main gauche le toupet de cheval... — Allons, marche, vaurien, ordonna-t-il avec rudesse.*

Сербск. *Мргуд ћутке ухвати левом руком коња за гриву на челу... "Деде, окрећи се, хуљо!" — проговори он сурово.*

Словен. *Volkodlak je molče prijel z levo roko konja za čор na čelu... "No, ztigaj se že, pokora!" je osorno zavpil.*

Болгар. *Единака хвана мълчаливо коња за гривата с лявата си ръка... "Хайде, тръгвай, garго" — промълви той сурово.*

То, что переводчики, в языках которых нет соответствующей метафоры, исходят из ближайшего контекста и ситуации, наиболее очевидно при переводе следующего примера:

— Эх вы, вороны! — крикнул Павел. — Чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились (Бежин луг).

Герои рассказа испугались непонятного ночного звука и не заметили того, что картошка уже готова, на что и обратил их внимание Павел. В принципе, и русский контекст допускает импликацию у метафоры семы «трусливый» (всполохнулись, наподобие испуганных ворон), однако актуальное значение и в этом случае остаётся функциональным. Между тем именно сема «трусливый» оказалась основной большинству переводчиков.

Англ. “*Ah, you **craven crows!** (малодушные вороны)” cried Pavlusha. “What are you frightened of? Look, the potatoes are done”.*

Франц. — *Tas de poltrons* (сборище трусов)! *s’écria Pavel, qu’avez-vous à trembler! Regardez, les patates sont cuites.*

Чешск. “*Vy jste **pěkní strašpytlové** (порядочные, изрядные трусы)! zvolal Pavel, co jste se tak vyplašili? Podívejte, zeměky už jsou”.*

Словен. “*Eh, vi, **zajci** (зайцы, переносное значение «трусы»)!” je zavpil Pavel. “Česa ste se pa ustrašili? Pogledjte, krompir je kuhan”.*

Совершенно по-другому воспринял метафору *ворона* сербский переводчик: он посчитал, что Павел отрицательно оценил умственные способности товарищей, и перевёл метафору номинативно-коннотативной лексемой с прямым значением *зевзеци* (букв. «болваны», ед. ч. *зевзек*).

Сербск. — *Ех, ви, **зевзеци!** — викну Павел — шта сте се престравили? Погледајте, кромпири се скували.*

Надо отметить, что и такая трактовка возможна, если исходить из ситуации, в которой Павел опровергает ребятам суеверные домыслы.

Таким образом, анализ перевода метафор — перевода, который во многих случаях будет «... более или менее удачной имитацией подлинника» [Лешка 1972, 16] — невозможен без обращения к типологии контекстов, ибо, по словам М. В. Никитина, «метафорическое значение подвижно, в нём силён прагматический компонент, семантические границы расплывчаты, многое “не выведено на поверхность”, а содержится имплицитно. Семантика метафоры сильно зависит от контекста и ситуации речи» [Никитин 1979, 98]. На основе анализа переводов некоторых отрывков из текстов И. С. Тургенева, в которых содержатся метафоры от наименований животных, на английский, французский, болгарский, польский, словенский, чешский и сербский языки удалось установить следующее.

Метафоры в контексте порождения переводятся эквивалентно или сходно, чему способствует возможность любого слова, именующего конкретный класс, порождать метафору в соответствующих контекстных условиях.

Метафоры в контексте воспроизведения обращают внимание переводчика на ситуацию их употребления, исходя из которой переводчик часто передаёт метафоры сигнификативно не эквивалентными, хотя и коннотативно близкими подлиннику лексемами или выражениями.

И в том, и в другом случае метафора демонстрирует свойство семантической открытости, только в контексте порождения толкование метафоры оказывается следствием семантической работы с ней, тогда как в контексте воспроизведения ономаσιологические основания для толкования метафоры извлекаются переводчиком из контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
2. *Лешка О.* К характеристике переводных текстов // *Bulletin ústavu ruského jazyka a literatury*. XVI. Praha: Universita Karlova, 1972. С. 15–18.
3. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
4. *Никитин М. В.* О семантике метафоры // *Вопросы языкознания*, 1979. №1. С. 91–102.
5. *Словарь Академіи Россійской*. Часть I. СПб., 1789. 1150 с.
6. *Словарь церковно-славянскаго и русскаго языковъ*. Томъ I. СПб., 1847. 416 с.
7. *Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б.* Современный русский язык. Лексика и фразеология современного русского литературного языка. М.: Флинта-Наука, 2002. 264 с.
8. *Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю.* Теория и практика художественного перевода. М.: Academia, 2005. 304 с.
9. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.